

УДК 321 (575.2) (04)

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

М.С. Егиналиев – ст. преподаватель

The analysis is given to political reforms in modern Kyrgyzstan through political culture of the society. The author proposes his recommendations for political modernization in the country.

Параллельно с концепциями “политического развития” и “модернизации” в западной политологии с начала 70-х годов XX в. разрабатываются теории политической транзитологии. Появление этих теорий было связано с попытками преодоления недостатков концепций модернизации. Кроме того, волна политических трансформаций авторитарных латиноамериканских и южно-европейских режимов побудила исследователей уделить пристальное внимание проблемам транзитного (переходного) периода в различных странах, выявлению общих черт транзитологических моделей.

Центральным понятием политической транзитологии является “политический переход”, под которым понимаются институциональные преобразования в процессе перехода от тоталитарных и авторитарных режимов к демократическим. Разработку теории демократического перехода впервые предпринял Д. Росту. В 1970 г. он сформулировал исходные положения для построения динамической модели политической трансформации, сосредоточив внимание на факторах, определяющих характер, направление и темпы политической динамики, а также методологические положения исследования переходов к демократии:

➤ Факторы, обеспечивающие устойчивость демократии, не обязательно равнозначны тем, которые породили данную форму устройства политической системы: при объяс-

нении демократии необходимо проводить различия между ее функционированием и генезисом.

- Процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным во всех точках земного шара: к демократии может вести множество дорог.
- Процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным по временной протяженности: на длительность каждой из последовательно сменяющихся его фаз решающее воздействие могут оказать разные факторы¹.

Модель Д. Росту предполагает единственное предварительное условие перехода к демократии – наличие национального единства. Оно означает, что значительное большинство граждан не должно иметь сомнений относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат, не имеет значения, каким образом достигается национальное единство. По его мнению, предварительное условие перехода к демократии полнее реализуется тогда, когда национальное единство признается на бессознательном уровне, когда оно молчаливо принимается как само собой разумеющееся.

¹ *Росту Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис.* – 1996. – №5. – С. 5–15.

На основе сравнительного анализа опыта перехода к демократии Швеции (с 1890 по 1920 гг.) и Турции (с 1940 по 1960 гг.) Д. Росту выделяет три основные фазы переходной динамики: 1) подготовительная фаза, характеризующаяся обострением противоборства политических сил и их коалиций; 2) фаза принятия решений, на которой достигается компромисс между основными “политическими акторами”, определяются основные правила демократической игры; 3) фаза закрепления достигнутого компромисса и становления демократических институтов (или фаза “привыкания”).

Такие факторы (или предпосылки) перехода к демократии, как высокий уровень экономического и социального развития, а также наличие изначального консенсуса Д. Росту не включает в число основных компонентов своей модели. Экономический рост, по его мнению, может быть одним из обстоятельств, требуемых для фазы, но возможны и другие типы.

Новизна подхода Д. Росту к построению модели политической трансформации состояла в переносе акцентов с постоянных факторов, обеспечивающих функционирование режима, на все время изменяющийся контекст политической динамики.

Каким же образом, в рамках концепции Д. Росту, можно рассматривать перспективы демократизации в Кыргызстане? Очевидно, что даже если принять его тезис о необходимости учета уровня экономического, социального развития и наличия изначального консенсуса в обществе, мы вынуждены признать, что политическая динамика событий вокруг проблем демократического реформирования в Кыргызстане сегодня во многом сопряжена с проблемами соответствия или несоответствия типологии и уровня политической культуры социальных страт общества уровню стоящих перед ним задач. Обладает ли правящая элита политической волей к интенсивным демократическим преобразованиям? Существует ли достаточный реформационный потенциал у других социальных и политических групп общества?

Вся предшествующая реальная историческая и политическая практика Кыргызстана дает довольно веские основания предположить, что мы и сегодня еще не представля-

ем из себя достаточно консолидированной этносоциальной и этнополитической общности, т.е., нет нации в ее уже оформившемся виде, нет главного условия успешного перехода к демократии по модели Д. Росту – национального единства. Политика двойных стандартов, как политико-культурная парадигма, сформировавшаяся еще в условиях советской действительности свела этот вопрос к извечному несоответствию сущего и должного. Вместе с развалом СССР рухнула и концепция о советском народе как о “новой, единой нерушимой общности советских людей”. Вместе с суверенитетом, свалившимся нам на голову, мы получили и вновь народившуюся проблему этнополитического единства, а точнее сказать, проблему отсутствия этнополитического единства. В условиях политического “цейтнота” мы вынуждены одновременно решать проблемы национальной консолидации, укрепления государственности, развития демократии, стоять перед задачей выбора приоритетов развития.

Все нынешние проблемы Кыргызской Республики, очевидно, исходят от недостатка опыта самостоятельного государственного развития, отсутствия культуры политико-экономического суверенитета. Проблемы трайбализма возникают всякий раз опять же из-за этого. Нет нации, нет чисто политических отношений, которые устанавливаются только в условиях развитого централизованного государства. А раз нет такового, то и властные отношения нельзя назвать чисто политическими, во многом они и сегодня остаются потестарными, т.е. властью, испытывающей существенное влияние традиционализма, этнических, родоплеменных, клановых мотиваций.

Проблемы демократизации нельзя успешно решать без разрешения вопросов становления самой государственности. “Прежде чем поселиться в доме, надо начать его строить”. У нас “телега стоит впереди лошади”. В специфических условиях “модернизации вдогонку” эти вопросы, по нашему мнению, необходимо решать динамично, с выверенной оптимальностью, но именно в таком порядке: единая нация – суверенное государство – демократия. Логика эволюционного саморазвития и политико-культурной преемственности диктуют

именно такую последовательность в постановке задач.

Как отмечают современные кыргызстанские исследователи, «Сравнительный анализ процесса демократических перемен в развитых государствах, определяющих мировые стандарты в этой области, показывает, что именно реформы права и действенные государственные институты являлись фундаментом перемен и основой закладывающейся системы ценностей. Определяющий принцип демократии – принцип верховенства закона над любыми частными или групповыми интересами и привилегиями. Достигалось это не путем механического подавления слабых сильными (как происходит на постсоветском пространстве), а целенаправленным внедрением единых для всех правовых норм и стандартов, порой даже за счет ограничения прав господствующей группировки. Только последовательное движение в данном направлении позволит вернуть утраченное доверие населения к власти и создаст основу для трансформации Кыргызстана в эффективное, рационально устроенное государство, способное войти в мир развитых стран XXI века»¹.

Однако получить в готовом виде рациональное, с развитой правовой культурой, государство западного образца даже при сильной политической воле лидеров страны, очевидно, не возможно. Правовая и политическая культура народа идут рука об руку. Так же, как нельзя избавиться в одночасье от тормозящих факторов традиционализма в политической культуре, так нельзя в одночасье воспитать культуру правовую, тем более, если она имела совсем иные генетические ценностные начала. И здесь мы вновь утверждаемся в мысли, что культуросодержащие начала, при всей ограниченности во времени, отведенного стране для трансформации и модернизации, проигнорировать никак нельзя. И воспитать культуру приоритета права в короткие сроки не представляется возможным, поскольку этот процесс тесно сопряжен с механизмами межгенерационных связей и объективно требует

более продолжительного времени для реализации.

Вернемся к вопросу первичности задач национальной консолидации, т.е. задач воспитания политической культуры нации. Нам представляется, что в политической культуре кыргызов негативную роль в этом отношении сыграли не только многовековые традиции межродового и межплеменного несогласия, т.е. трайбализма, но и тот факт, что Кыргызстан в советское время развивался как многонациональное государство в составе СССР, т.е. проблемы внутриэтнической консолидации были искусственно отодвинуты на второй план и как бы теряли свою актуальность. Можно сказать, что не был в достаточной степени или был не видим (подавлялся системой) «разумный национализм». В мировой практике мы сегодня часто наблюдаем как страны, только обретшие суверенитет, довольно резко порывают со своими доминионами, подчеркнуто дистанцируются от них. После развала СССР и мировой социалистической системы многие страны Восточной Европы открыто демонстрировали и демонстрируют сейчас свое неприятие всего советского и по наследству – российского. Тем самым они объективно преследуют цель консолидации нации, отрицая влияние колониального прошлого. Недавние события в Эстонии, когда был демонтирован и перемещен со столичной площади Таллина памятник советским воинам-освободителям от фашизма в годы Второй мировой войны, по замыслу эстонских властей, думается, преследовал и эти цели – цели внутренней консолидации нации. Когда недостаточно внутренних побудительных мотивов, идет компенсация за счет образа внешнего врага. Примером подобного рода является и политика современных грузинских властей по отношению к России.

Вы заметили, как активизировались консолидационные импульсы народа вокруг вопроса вступления или невступления Кыргызстана в программу «НПС»? Причем попытки «протащить» этот вопрос, натолкнулись на массовое сопротивление, неприятие со стороны населения страны независимо от регионов. Можно предположить, что еще одним таким «раздражителем», стимулятором консолидации

¹ Омаров Н. Перспективы демократического Кыргызстана // Журнал политической мысли России «Политический класс». – 2005. – №12.

онных усилий, может в определенной ситуации оказаться вопрос о пребывании военно-воздушной базы США “Ганси” на территории аэропорта “Манас”, жизнедеятельность которой уже привела к человеческим жертвам со стороны местного населения, нарушениям законодательства Кыргызстана и определенной неспособности властей защитить честь и достоинство государства и его граждан.

В нашем случае ситуация с внутренними консолидирующими мотивами осложняется слабой индустриальной базой экономики, отсутствием развитого внутреннего рынка, транспортной инфраструктуры, особенностями социальной организации. Издревле в практике кыргызских родов и племен консолидирующие импульсы стимулировались необходимостью обороны от внешних врагов. Когда нет внешней угрозы, превалировала тенденция к бесконечному внутривидовому и внутривидовому дроблению на более мелкие структурные единицы.

Во времена Советского Союза, когда центр политической власти находился во вне, сохранялся определенный внутривидовый баланс интересов регионов Кыргызстана. С перемещением его во внутрь, баланс интересов племенных и региональных кланов нарушается, на авансцену выдвигаются проблемы конкурентной борьбы за центральную власть и мы наблюдаем эффект регенерации дополитических, потестарных отношений со всем комплексом социально-экономических проблем, но уже на ином уровне. Идет процесс расщепления, дробления политической власти по регионально-клановому признаку. И здесь победа в политических баталиях ни одной, ни другой стороны не ведет к консолидации народа в целом.

Какие же формы государства наиболее приемлемы для современного Кыргызстана с его специфической историей государственности, в основе которой всегда лежали преимущественно потестарные ценности, что в современных условиях означает:

➤ в политическом отношении – невозможность построения власти с единым центром, т.е. власти, ориентированной на монополю влияния одной из нескольких крупных регионально-клановых политиче-

ских сил. Полицентричность власти обусловлена самим ходом исторического развития кыргызского народа. Хотя сегодня нельзя сказать, что основу хозяйства кыргызов составляет кочевое животноводство, которое в прошлом определяло специфику социальной организации и властных отношений у кыргызов, однако родоплеменная, кланово-общинная психология, оформившаяся за многие столетия в ценности политической культуры народа, является одной из наименее трансформируемых субстанций в общественной жизнедеятельности;

➤ в экономическом отношении – политика все более широкого внедрения рыночных механизмов, приватизации государственной (в понимании массы людей – общенародной) собственности, переход от коллективных форм хозяйствования к единоличным, наталкивается и еще долго будет наталкиваться на сопротивление исторически обусловленных коллективистских форм экономического мышления, психологии, поведения и т.д.;

➤ в социальном отношении – попытки довести процессы “атомизации” социальных интересов различных слоев кыргызстанского общества до приоритетов интересов отдельной личности всегда будут наталкиваться на непреодолимые барьеры, связанные опять же с политико-культурными ценностями, определяющими преимущественное положение интересов определенных социальных общностей (семьи, рода, племени, клана, региона, народа);

➤ в духовном отношении – необдуманная, “органически не детерминированная”, глубоко “жертвенная” трансформация может привести и уже приводит, во многом, к культурно-нравственному разложению, духовной “маргинализации” и, в конечном итоге, может способствовать полному распаду субъектов общественных отношений.

Возникают резонные вопросы: Обязательны ли такие огромные жертвы? Возможны ли иные, менее болезненные пути перехода к демократии? Что есть истинная демократия для народов, подобных нашему?

В современной правовой и политологической теории есть понятие форм государства:

форма правления, форма государственного устройства (территориальная организация власти) и форма государственного (политического) режима. В ходе конституционной реформы и подготовки принятия очередной редакции Конституции Кыргызской Республики в 2006 г. шла оживленная дискуссия о приемлемости той или иной формы правления для Кыргызстана на современном этапе развития. При этом, по нашему мнению, происходила некоторая подмена понятий, а точнее, наблюдался определенный отход от строго научных принципов, который допускался, казалось бы, известными политиками, имеющими юридическое образование, и не уточнялся, не поправлялся со стороны представителей экспертного сообщества.

Принято считать, что существуют две основные формы правления: монархия (неограниченная и ограниченная) и республика, которая, и имеет своими разновидностями президентскую, парламентскую и смешанную (президентско-парламентскую или парламентско-президентскую) подформы.

Республика, как форма правления в Кыргызстане избрана с обретением суверенитета еще в 1991 г. Институционально республиканская форма правления у нас существует более пятнадцати лет. Содержательно полноценной республики, как формы демократии, у нас еще нет. Настоящие споры, если быть предельно точными, идут, вроде бы, не о формах правления, а о разновидностях республики, как института демократической организации политической, государственной власти. Тем не менее, если говорить по существу научной полемики, с учетом нашей политической культуры, на языке политико-культурных ценностей этот спор действительно идет о том, продолжать ли нам оставаться под властью одного, харизматического лидера, по сути являющегося “монархом” (быть может, в чем-то ограниченном) или все же стать реальной республикой, т.е. государством, где существует народовластие, выборность органов государственной власти, принцип разделения властей, местное самоуправление, права и свободы человека и гражданина, где соблюдается установленный Конституцией баланс ветвей власти. В этом смысле мы действительно должны определиться,

какая форма правления нам необходима: единоличная власть одного человека и его семьи или же все-таки власть народа.

Если взять по большому счету, то у кыргызов, как у представителей кочевой цивилизации, в политической традиции монархизм, т.е. власть одного человека, не был, все же, столь типичным явлением, как у народов той же Центральной Азии – представителей земледельческой культуры, за исключением тех этапов истории кыргызского народа, когда он приближался к наиболее централизованным формам организации власти в масштабе всего этноса. Через века кыргызы пронесли в своей истории желание объединиться, консолидироваться в единый народ, однако сегодня следует признать, что понятие “народа” в естественно-историческом понимании кыргызов было больше связано с внутренними родоплеменными, трайбалистскими связями и довольно сильно отличается от современного евроцентристского толкования народа–нации, нации–государства.

Как отмечают специалисты: «Основная ... масса людей, увлеченная идеей “возрождения нации”, относится к нему (к трайбализму), как к возвращению традиционного “журтчулука”, издревле способствовавшего сплочению людей, хотя он почти всегда выражал и защищал интересы лишь рода или его подразделения, а не народа в целом. Многие еще не осознают, что некоторые проявления “возрожденного” трайбализма могут стать опасными для стабильности и целостности молодого кыргызского государства»¹.

Однако смеем предположить: именно политико-культурная традиция народа подсказывает, что более органическими для Кыргызстана будут выглядеть формы правления, не связанные с доминированием роли отдельного лидера. Историческая полицентричность властных полномочий у кыргызов, восходящая к традициям периода “военной демократии”, по нашему мнению, более органически соотносится с современной концепцией “разделения властей”, представительными формами демо-

¹ Суверенный Кыргызстан: проблемы традиций и социальной целостности / Бишкек, 1999. – С. 67–68.

кратии и т.п. В этом смысле, для нас в политико-культурном отношении более приемлемой и обоснованной могла бы стать парламентско-президентская, а в дальнейшем – парламентская форма правления, имеющая больший потенциал охвата политических интересов гетерогенных сегодня географических и социальных субъектов нашего общества. Мы должны, наконец, признать объективное наличие этнических, социальных, региональных различий, обусловленных незавершенностью процессов национальной консолидации. С этим надо считаться, учитывать и предпринимать конкретные, действенные меры по преодолению подобных различий, а не просто закрывать глаза на проблему. Мы должны стремиться не к победе одной из групп региональных элит, одной из групп региональных интересов в скрытом или уже практически открытом противостоянии в условиях единоличной, унитарной власти, а к равному представительству этих элит и интересов в государственных органах, организованных в наиболее демократичных формах. Только равенство представительства этнических, социальных, региональных субъектов политических отношений в государственных органах власти и их целенаправленная деятельность по реализации насущных интересов людей даст импульс к завершению процесса образования единой нации, формированию общенационального понимания экономических, социальных и духовных интересов народа Кыргызстана.

Правильный, органически детерминированный, эволюционно обоснованный выбор формы республиканского правления подскажет и эффективные формы территориальной организации власти, направления административно-территориальной реформы в стране, справедливого, равноправного распределения бюджетных средств и инвестиций на развитие регионов, выработки приоритетов социально-экономического развития в масштабе всей страны.

В этом смысле мы считаем, что политико-культурная традиция диктует логику эволюционного развития в направлении укрепления регионального, областного уровня государственной власти. Ликвидация или значительное сокращение районного звена управления даст

большую экономию средств за счет сокращения расходов на содержание многотысячной армии бюрократии районного уровня, гораздо большую, чем ликвидация аппарата управления областного масштаба.

Основным же звеном производственного, социального и культурного функционирования регионов были бы более мобильные, местные сообщества аильного, поселкового или городского уровня. И здесь в рыночные отношения можно включать потенциал традиционных форм организации гражданского общества – большая семья, родственные, аильные сообщества, джамааты и т.п. – как первичных производственных формирований. В масштабе региона они не будут иметь особых противоречий между собой ввиду своей субкультурной идентичности, что будет способствовать созданию здоровой конкурентной среды в производстве и торговле. А разумное представительство и равноправный учет интересов регионов в распределении финансовых ресурсов в центральных органах власти обеспечит бесконфликтность отношений между регионами.

Определяющее значение будет иметь в этом случае опережающее развитие областных городов как промышленных, социально-культурных центров регионов. Естественно, урбанизация будет способствовать уменьшению внутренней и внешней миграции, что снимет многие социальные и политические проблемы, связанные с нехваткой земли, жилья, рабочих мест и т.п.

Кыргызы в своей истории никогда не жили в условиях самостоятельного централизованного государства. Этот факт сегодня для нас объективно создает дополнительные, генетически подкрепленные, положительные импульсы к демократизации. Нам необходимо укреплять государственность, но государственность не жестко централизованную, а союз равноправных регионов, одинаково представленных в законодательных, исполнительных и судебных органах государственной власти, но не как самостоятельные политико-экономические субъекты, как это принято при федеративном устройстве, а как сильные регионы единого унитарного государства.

Лозунг “Сильные регионы – сильная страна!” – обретает в таком случае новое звучание,

подкрепленное учетом специфики традиционной политической, социальной и хозяйственной организации кыргызстанского общества. В этом смысле нас не должна пугать необходимость допущения некоторых элементов федерализма. Эта мера диктуется объективной ситуацией и будет иметь временный характер впрямь до того, когда социально-экономические достижения, высокий уровень жизни страны дадут реальную возможность снять противоречия между регионами и приведут к укреплению политических, экономических, социальных и духовных факторов консолидации нации.

Что касается такой формы, как государственный (или в более широком смысле – политический) режим, то при оптимальном применении принципов политико-культурной преемственности в этой сфере, очевидно, возможно достижение более благоприятных условий перехода от тоталитарно-авторитарных характеристик к демократическим.

Известно, что демократический государственный режим характеризуется реально дей-

ствующим принципом разделения властей, наличием эффективно функционирующей системы органов местного самоуправления и неукоснительным соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В условиях восточной, патерналистской в своей основе политической культуры Кыргызстана понятие демократизма государственного режима следует дополнить необходимостью учета интересов традиционных общностей, специфических социальных страт общества (семьи, родственных, айльных, сельских общин и т.п.).

При правильном построении соотношений между формой правления и территориальным распределением власти, т.е. при разумно построенных отношениях между представительски организованным политическим центром и более самостоятельными регионами мы могли бы добиться большей демократизации государственного (и политического) режима и избежать многих конфликтогенных ситуаций и столкновений интересов в процессе демократизации общества.